

И. П. ЕРЕМИН

К характеристике Нестора как писателя

Наряду с княжескими житиями в литературе Киевской Руси стали появляться и жития, посвященные выдающимся деятелям церкви — основателям тех или иных монастырских общежитий.

Старейший памятник древнерусской агиографии этого последнего типа — Житие основателя Киево-Печерского монастыря Феодосия Печерского, принадлежащее Нестору, автору «Чтения» о Борисе и Глебе.

Память Феодосия Печерского в стенах монастыря стала праздноваться вскоре же после его смерти, еще до его в 1108 г. официальной канонизации. В 1091 г. в новую каменную церковь монастыря из пещеры, где до сих пор покоилось тело Феодосия, были торжественно перенесены его мощи и установлены в притворе на правой стороне. Незадолго до этого события Нестор и написал Житие, видимо по поручению игумена Никона. Точно неизвестно, когда его составил Нестор; во всяком случае еще при жизни Никона (умер в 1088 г.), после «Чтения» о Борисе и Глебе (во вступлении к Житию Нестор сам говорит, что, написав сперва «Чтение», он теперь «понудился и на другое исповедание приити» — о Феодосии¹).

Феодосий Печерский скончался 3 мая 1074 г. Нестор поступил в Печерский монастырь, когда Феодосия не было в живых, при игумене Стефане, когда вокруг Феодосия в монастыре уже стала складываться благочестивая легенда. Эта легенда — устные рассказы и предания — и послужили Нестору основным источником его литературного труда.

На устные источники своего «исповедания» Нестор ссылается не раз. По его словам, он специально расспрашивал о Феодосии иноков, лично знавших Феодосия, и все, что, «испытывая», слышал от них («от древних мне отец»), то и записал. Он даже называет имена людей, сообщивших ему сведения: «много» рассказывал ему о Феодосии инок Феодор, занимавший в свое время в монастыре должность келаря (на него Нестор ссылается дважды); кое-что поведал чернец Иларион.

Самый тип жития святого — основателя монастырского общежития не является изобретением Нестора; приступая к жизнеописанию Феодосия, он опирался на давно и прочно сложившуюся литературную традицию. Установлено, что ближайшим литературным образцом для Нестора в данном случае явился труд Кирилла Скифопольского, одного из классиков византийской дометафрастовской агиографии, — Житие Саввы Освящен-

¹ А. А. Шахматов и П. А. Лавров. Сборник XII века московского Успенского собора, вып. 1. М., 1899, стр. 40—41. Здесь и ниже Житие цитируется по этому изданию.

ного.² Житие это, во времена Нестора уже известное на Руси в славянском переводе, подсказало ему и композиционную структуру Жития Феодосия, и отдельные сюжетные ситуации, и даже некоторые стилистические формулы.

Житие Феодосия Печерского — сложное и громоздкое литературное сооружение, несомненно потребовавшее от Нестора долгого и напряженного труда.

В соответствии с неписанным литературным уставом, обязательным для каждого агиографа, Нестор предпослал Житию довольно большое вступление. Здесь есть все, чего устав этот требовал: и благодарность богу за то, что он удостоил его, Нестора грешного, поведать миру о жизни и деяниях угодника божьего, и просьба извинить его неискusstво («груб сын и неразумичен», «не бех учен никоеиждо хитрости»), и упование на помощь свыше в этом предстоящем ему многотрудном деле, которое превыше его силы, и ссылка на то, что жизнь и подвиги Феодосия еще никем не описаны, и просьба «с всяцем прилежанием» прослушать его повествование, и цитата о ленивом рабе (Матф., XXV, 26—27), и, наконец, молитва к богу, чтобы просветил сердце и отверз уста.

Вступление составлено из традиционных формул и клише, некоторыми из них Нестор уже воспользовался и в предшествующем своем труде — в «Чтении» о Борисе и Глебе. Отсюда, однако, не следует, что его вступление к Житию Феодосия — всего лишь холодная дань литературному обычаю. Формулы и клише не помешали Нестору сообщить этой требуемой жанром вступительной церемониальной беседе автора с читателем и характер своеобразной авторской исповеди, не лишенной искренности и лирической теплоты: подавленный сознанием высокой ответственности, Нестор делится с читателем своими сомнениями и колебаниями, своими страхами и надеждами ввиду предстоящего ему литературного подвига. Свидетельствуют об этом проявляющиеся и здесь, в начале Жития, некоторые черты его, Нестора, индивидуального стиля: отсутствие каких-либо нарочитых риторических украшений, умоляющие обращения к «возлюбленной» братии, автобиографические признания, бесхитростная простота интонаций.

Из вступления следует, что Нестор, готовясь «вся по ряду» рассказать о покойном печерском игумене, ставил себе прежде всего задачу обрисовать высокий идеал человека, доблестного «воина» божьего, целиком посвятившего себя добру, — в поучение и подражание потомству или, как выражается Нестор, «на успех и на устроение беседующим». Эта дидактическая задача тесно связана у Нестора и с другой, горделиво-патриотической, — на примере Феодосия Печерского показать, что и у нас на Руси («в стране сей») были святые угодники божьи, прославленные своей жизнью и подвигами («таков мужь явися»).

Так уже во вступлении определяется аспект, в котором Нестор покажет Феодосия. С первого же появления своего у Нестора Феодосий Печерский предстает перед читателем в «серафическом» образе идеально-положительного христианского героя — святого. И таким в основном он пройдет сквозь все Житие, сопровождаемый молитвенно-благоговейными эпитетами — «блаженный», «преподобный», «великий», «богодуховенный».

Сын благочестивых родителей (имена их не названы), Феодосий уже в раннем детстве — «избранник божий», «земной ангел и небесный чело-

² С. А. Бугославский. К вопросу о характере и объеме литературной деятельности преп. Нестора. — ИОРЯС, т. XIX, 1914, кн. 1, стр. 148—149; здесь же указана и вся остальная литература по данному вопросу.

век»; что он «измлада» посвятит себя богу, на восьмой день его рождения «сердечныма очима» прозревает священник, к которому родители принесли ребенка.

Рассказ Нестора о детстве и юности Феодосия — рассказ о том, как Феодосий упорно и настойчиво стремится выполнить «от чрева матерня» свыше ему предназначенное. «Влеком на любовь Божию», он уже в детстве обнаруживает добродетели, в таком собранном виде рядовому человеку не свойственные, совершает поступки, нарушающие все нормы повседневного человеческого поведения: у одних поступки эти — его духовные подвиги вызывают благочестивое изумление, у других, «несмысленных», — укоризны и даже насмешки.

Поставленные в необходимость жить в «миру» — в окружении простых, рядовых людей, святые иногда вынуждены вступать с ними в нелегкую борьбу, когда они, несвятые, пытаются им, «избранникам Божиим», навязать свой образ жизни, свою волю, свои мирские побуждения. Нестор утверждает, что не избежал этой участи и Феодосий. Еще в юности на его долю выпало тяжкое испытание, тем более тяжкое, что ему самоутвердиться в боге всячески старалась помешать родная мать.

В изображении Нестора мать Феодосия — воплощение земного, материального начала, с которым сын ее, иконописный отрок, уже осененный нимбом святости, впервые сталкивается на своем жизненном пути. Это земное, материальное начало в образе матери Феодосия Нестор выразительно подчеркнул, дав описание ее внешнего облика: была она «телом крепка и сильна, яко и муж»; тому, кто слышал, как она с кем-либо говорит, казалось, что говорит мужчина. В тех же целях отметил Нестор и господствующую в ней страсть; эта сильная мужеподобная женщина буквально одержима любовью к сыну — любовью яростной и неутолимой. И любовь эта (Нестор осуждает ее как чрезмерно «земную») — источник постоянных столкновений между нею и Феодосием. Столкновения эти и составляют содержание Жития Феодосия в его начальной части; под пером Нестора они принимают характер своеобразного единоборства между сыном и матерью.

История этого единоборства в изложении Нестора полна драматизма. Одна схватка сына с матерью следует за другой, от эпизода к эпизоду повышая напряженность повествования. Ощущения этой все возрастающей напряженности Нестор добивался простым и в то же время очень действенным способом: настойчивым повторением через некоторые промежутки, каждый раз с новыми вариациями, одних и тех же положений.

Начинается единоборство с того, что Феодосий, верный своей привычке ходить в худой и заплатанной одежде, решительно отказывается надеть светлую. Его неоднократно, много раз, просят об этом не только мать, но и сам «властелин» города, но всегда напрасно. «Светлая» одежда у Нестора (и здесь, и ниже в рассказе о Варлааме, сыне боярина Иоанна) упоминается и в прямом смысле, и в переносном — как символ радостей и утех мира. Потому-то Феодосий так и торопится поскорее ее сбросить: ему, уже внутренне покончившему все счеты с миром, она давно стала в «тяжесть».

Борьба обострится, когда Феодосий начинает работать как простой «раб», сперва на поле в принадлежащем его матери селе вместе с другими смердами, а потом в пекарне, где он по собственному почину мелет жито и печет просфоры, необходимые для церковного служения.

Когда же Феодосий принимает решение тайно бежать из родительского дома, борьба достигает своей кульминации. Он пытается уйти вначале с паломниками на поклонение святым местам, «идеже господь наш

плотию походи». затем — в соседний город к некоему пресвитеру и, наконец, в третий раз, следуя за проезжими купцами, — в Киев.

Каждый духовный «подвиг» сына вызывает у матери вспышку необузданного гнева, сопровождающуюся слезами, бранью, угрозами и даже лобоями. Видя, что «гроза» и «ласка» ни к чему не приводят, она принимает и более крутые меры: запирает сына под замок, лишает пищи, связывает ноги цепью. Но тщетно: сын проявляет невозмутимое упорство, и мать скрепя сердце, до новой вспышки, примиряется с положением вещей.

В Киеве, куда ему удалось беспрепятственно добраться, Феодосий стал ходить по монастырям, — рассказывает Нестор — но нигде, ни в одном из киевских монастырей, «видевше отрока простотью», его не приняли: везде, надо полагать, требовали вступительного вклада, у него же ничего не было, кроме ветхого рубища, в которое он был одет. Только за городом, в пещере, где «спасался» некто Антоний, он нашел пристанище. И здесь ему наконец довелось осуществить свое давнишнее чаяние: Антоний по просьбе Феодосия повелел совершить над ним обряд пострижения и облечь в иноческую одежду.

Мать Феодосия между тем принимала все меры, чтобы отыскать сына; она пообещала немалое вознаграждение тому, кто наведет ее на след; бдя себя в грудь, «люте» причитала о сыне, «яко и по мертвем». Так прошло четыре года, пока случайно кто-то не сообщил ей, что видел Феодосия в Киеве. Она немедленно собралась в путь, узнала, что сын ее — у Антония Печерского, разыскала пещеру, и поединок сына с матерью после некоторого перерыва возобновился с новой силой.

Дважды побывала она в пещере, умоляла и требовала показать ей сына. Но Феодосий (он дал обет ни с кем из мирян не общаться) наотрез отказался повидаться с матерью. И только когда она стала угрожать, что «зле» погубит себя здесь, «пред дверьми пещеры сея», он вышел к ней — по настоянию смутившегося духом Антония, не желая его послушаться. На угрозу он ответил угрозой, не менее жесткой: мать не увидит его больше никогда, если не выполнит его обязательного условия — не оставит все и не пострижется в инокини.

Долго колебалась мать, не зная, на что ей решиться. Но в конце концов, после многих лет изнурительной борьбы, сдалась она: победу одержал сын. По совету Феодосия она осталась в Киеве, приняла иноческий образ в монастыре св. Николая, где некоторое время спустя и скончалась.

Из рассказа Нестора следует, что мать Феодосия приняла условие сына отнюдь не по внутреннему убеждению. Покинуть «свет сей мало-временный» и постричься в инокини побуждают ее не любовь к Христу и даже не любовь к сыну, а чудо (Феодосий молился об «обращении» сердца ее, и бог «услыша молитву угодника своего»). Нестор отказался развязать им же и завязанный психологический узел; как и его литературные предшественники в аналогичном случае, он ограничился простой ссылкой на божественное вмешательство в дела человеческие.

Борьба «небесного» начала с «земным», составляющая основное содержание Жития Феодосия в этой его части, нашла свое отражение и в самом строе рассказа Нестора — в распределении светотени и даже частично в языке.

Отрок Феодосий в изображении автора агиографически стилизован. Образ его схематичен и прямолинеен. Он построен по канону, освященному культом святых и вековой литературной традицией. Поступки его однотипны и заранее предписаны церковным идеалом христианского святого-подвижника. Речь его немногословна и всегда особо значительна:

насыщенная «высокими» церковнославянизмами, она обычно состоит из назидательных сентенций и пересыпана цитатами из писания. Духовный мир его наглухо закрыт для читателя, и Нестор святотатственно никогда в него не заглядывает. Земной небожитель, он гость на земле и рвется скорее порвать все путы, еще как-то связывающие его с мирской суетой.

Прямая антитеза Феодосию — его мать. Образ ее дан в подчеркнuto бытовом плане. В отличие от сына она крепко привязана к земле и всему земному — к своему обширному хозяйству, своим «села́м» и «раба́м». Она искренне огорчена поведением сына: ей непонятен мир, в который он так сосредоточенно погружен, ее раздражает и даже пугает его угрюмое благочестие. В многолетней борьбе с сыном, принимающей подчас столь несдержанный характер, первая всегда страдает она. Ее безответная любовь жалка в своей полной беспомощности: она готова пойти на любые уступки — только бы удержать при себе сына. Нестор с большим чутьем к жизненной правде изобразил всю мятущуюся непоследовательность ее безмерной материнской любви. Замечательна сцена, когда у пещеры Антония после долгой разлуки мать впервые видит сына. Возбужденная отказом Феодосия встретиться с нею, уже готовая к очередной схватке, она нетерпеливо его ждет. Она не узнает Феодосия, когда он выходит к ней: до такой степени изменился он «от многого труда и воздержания». И гнев ее мгновенно проходит, она бросается сыну на грудь и горько плачет. Мать Феодосия — человек, как все. Поступки ее, даже взрывы некротимой ярости, так картинно описанные Нестором, всегда вызываются ходом событий и не таят в себе ничего противоречащего человеческой природе. Речь ее проста и часто у Нестора окрашена отчетливыми «бытовыми» интонациями. При первой встрече с Антонием она спрашивает его: «Молю ти ся, отче, повеж ми, аще зде ест сын мой, — много же си жалю его ради, не ведуши, аще убо жив ест». Здесь сквозь книжный налет проступает строй живой разговорной древнерусской речи. Звучит он и несколько ниже в ее гневной реплике Антонию: «Изведи ми, старче, сына моего, да си его вижду, не терплю бо жива быти, аще не вижду его, яви ми сына моего».

Сообщением о пострижении матери Феодосия в монастыре св. Николая и ее смерти заканчивается часть Жития, посвященная детству и юности Феодосия. Сведения об этом периоде его жизни («от юны версты, дондеже прииде в пещеру») Нестор получил от келаря Феодора, который в свою очередь почерпнул их со слов матери Феодосия; так во всяком случае утверждает Нестор.

В дальнейшем Житие круто меняет русло; в повествование вступает новая тема — история Печерского монастыря. Начинает ее Нестор с момента поселения Феодосия в пещере Антония и доводит до 80-х годов XI в. Едва ли не все события истории Печерского монастыря находят здесь свое то краткое, то более подробное описание: приход к Антонию Варлаама, сына боярина Иоанна, и княжеского ключника Ефрема, гнев князя Изяслава на печерских старцев за то, что они постригли Варлаама и Ефрема без его соизволения; уход сперва Никона, сподвижника Антония, в Тмуторокань, а затем и Ефрема — в Константинополь; удаление Антония «на ин холм» — подальше «от всякого мятежа и молвы» и назначение игуменом Варлаама; вывод Варлаама княжим повелением на игуменство в монастырь св. Димитрия и избрание игуменом Феодосия; переселение иноков из пещер на поверхность земли, строительство «недалече» от пещер келий и деревянной церкви в честь богородицы; введение Студийского монастырского устава; возвращение Никона в монастырь; конфликт Феодосия с князем Святославом и вторичный уход Ни-

кона в Тмуторокань; основание каменной печерской церкви. Даже после рассказа о смерти и погребении Феодосия Нестор продолжает излагать историю своей обители: повествует об игуменстве Стефана, о завершении строительства каменной церкви, о «смятении» среди братии, в результате которого Стефан вынужден был покинуть монастырь, об игуменстве Никона.

Новая тема частично видоизменяет самый строй житийного повествования. Рассказ Нестора теряет свою непрерывность и приобретает черты летописного способа изложения — по событиям. Несмотря на отсутствие дат (в древнейших списках Жития налицо только две даты: 6570 — год переселения иноков из пещер на поверхность земли и 6582 — год смерти Феодосия), изложение событий тем не менее ведется во временной последовательности; рассказ о смерти Варлаама, например, читается много ниже рассказа о его пострижении, после перерыва, в «свое» время; нарушение принципа временной последовательности ощущается автором как неправомерное «пресечение» повествования и обычно тщательно оговаривается. Каждый новый рассказ вводится в Житие одной из традиционных летописных формул: «В то же время», «Бысть же в то время», «Тогда же», «Тогда бо», «По сих же», «По сем же» и пр. Некоторые события излагаются в жанре летописного погодного известия (уход Никона и Ефрема, смерть Варлаама и назначение печерского инока Исаии игуменом монастыря св. Димитрия, возвращение Никона в Киев). Рассказ об этих событиях фактографичен и краток; преследует информационные цели; наряду с основными спешит сообщить и некоторые дополнительные сведения (если речь идет, допустим, о церкви или монастыре, здесь появляются характерные летописные указания: «се же и донныне есть», «иже и донныне есть»; если о том или ином лице — аналогичные указания: «идеже и донныне честное его тело лежит», «иже последи же поставлен бысть епископом...»); приводит факты, прямого отношения не имеющие ни к данному известию, ни тем более к житию Феодосия (в рассказе, например, об уходе Никона в Тмуторокань попутно излагается история инока Минны, который вместе с Никоном ушел из Киева, но потом расстался с ним и поселился в Константинополе на одном из местных прибрежных островов).

Житие Феодосия теперь рассматривается Нестором уже как часть истории Печерского монастыря, в неразрывной связи с нею. Обстоятельство это во многом существенно изменило задачу Нестора-агиографа. Так как фактическая канва жизнеописания Феодосия оказалась поглощенной историей монастыря, на долю собственно житийного повествования осталось только одно: «портретная» характеристика Феодосия как человека и игумена. На этот путь Нестор и вступил — путь по тому времени не легкий: с такой задачей литература древней Руси еще не сталкивалась.

Свой образ Феодосия Нестор построил крайне просто, если судить с точки зрения литературной «портретной» живописи нового времени. Он начал с того, что стал перечислять, подчас в довольно произвольном порядке и не без повторений, все известные ему добродетели Феодосия, его духовные совершенства («кроток нравом», «тих же смыслом» и пр.), сопровождая это перечисление многочисленными примерами-иллюстрациями.

В результате Житие у Нестора, в этой своей части, распалось на ряд рассказов, каждый из которых должен был показать Феодосия в том или ином повороте, — переключилось в сборник сказаний, связанных между собой единством центрального героя.

В сказаниях этих Нестор еще раз продемонстрировал свое мастерство рассказчика. По структуре они предвосхищают рассказы Печерского па-

терика. Все они по объему невелики и содержат законченное повествование о каком-либо эпизоде из жизни Феодосия, рассчитанном на благочестивое удивление читателя; удивление это Нестор умел поддерживать и чисто литературными средствами: подчеркнуть нужную деталь, расцветить изложение диалогом, где надо нарочито затормозить действие.

Некоторые сказания дублируют друг друга — с теми или иными вариациями воспроизводят один и тот же сюжет. И тогда они у Нестора часто строятся по однотипной схеме, с привлечением одних и тех же стилистических оборотов речи. Таковы рассказы о даре Феодосия укрощать бесов, о пытавшихся ограбить монастырь разбойниках, о необыкновенном смирении Феодосия, о вере его, что господь бог не оставит монастырь в беде и в нужное время снабдит его всем необходимым.

Сказания на последнюю тему составляют у Нестора даже целый цикл, разбросанный, правда, в разных местах Жития. Схема сказаний здесь постоянна и напоминает схему аналогичных рассказов Жития Саввы Освященного. К Феодосию является чаще всего келарь монастыря и сообщает, что на утро нет в кладовых муки, масла деревянного, меда; Феодосий просит еще раз проверить, так ли действительно обстоит дело; келарь уходит и снова возвращается с сообщением, что ничего нет и что он не только все тщательно осмотрел, но даже перевернул вверх дном сосуд, где хранилось масло, в «сухое» обнаружил в одном углу лишь небольшое количество отрубей; Феодосий предлагает келарю укрепиться в надежде на бога, а сам идет молиться; некоторое время спустя к воротам монастыря подъезжает несколько возов — обычно три со всем тем, в чем монастырь испытывает острую нужду — от неизвестного, от боярина, от богатой вдовы; Феодосий по случаю «посещения» божьего велит келарю учредить «праздник велик»: накормить братию свежим хлебом, напоить медом и пр.

Многие сказания Нестора — литературного происхождения. Впрочем, он и сам отнюдь не скрывал того факта, что в работе над Житием Феодосия пользовался литературными источниками: Житием Саввы Освященного, Житием Антония Великого. В источниках этих он прежде всего искал аналогий деяниям собственного героя. И аналогии такие очень ценил, так как они давали ему возможность лишней раз сопоставить Феодосия Печерского с величайшими святыми христианского мира. Именно поэтому он всегда, как правило, не ограничивался простым перенесением в Житие литературного по своему происхождению сюжета, а его перерабатывал с целью придать ему большую достоверность: усваивал Житие, насыщал бытовыми подробностями древней Руси XI в.

Показательным примером того, как радикально иногда под пером Нестора видоизменялся его литературный источник, может служить рассказ Жития о том, как Феодосий и его спутник во время совместного путешествия обменялись местами: Феодосий уступил ему лучшее. В научной литературе было отмечено, что рассказ этот напоминает сказание Синайского патерика («Луга духовного» Иоанна Мосха) об архиепископе Феодоте.³ В патерике аналогичный эпизод излагается вне времени и пространства, как абстрактный пример смирения. У Нестора указываются конкретные обстоятельства, при которых случай имел место: Феодосий по делам отправился в Киев, задержался там до позднего вечера и назад в монастырь поехал на повозке, которую «нощнаго ради поспания» повелел предоставить ему князь Изяслав. В патерике сопровождает архиепископа Феодота

³ Ф. Буслаяев. Исторические очерки русской народной словесности и искусства, т. II. СПб., 1861, стр. 53; Д. И. Абрамович. Исследование о Киево-Печерском патерике как историко-литературном памятнике. СПб., 1902, стр. 164.

клирик, хорошо знавший, с кем он путешествует; у Нестора сопровождает печерского игумена простой возчик, принявший Феодосия по одежде судя за «единого от убогих». В патерике помянуться местами предлагает архиепископ; у Нестора — возчик: «Черноризче, се бо ты по вся дни порозден еси, аз же труден сый, се не могу на кони ехати, но сице сотвориве: да аз ти лягу на возе, ты же могый на кони ехати», — говорит он Феодосию. Сказание патерика здесь обрывается; у Нестора рассказ имеет продолжение. На заре, при виде подъезжающих «вельмож», направляющихся к князю, Феодосий предлагает возчику снова сесть на коня; вельможи слезают с коней в знак особого уважения к Феодосию и низко ему кланяются; возчик в недоумении — оно сменяется настоящим испугом, когда у ворот монастыря Феодосия встречают иноки и приветствуют его земным поклоном; смущенного возчика Феодосий ведет за собою, велит накормить и награждает «кунами».

Стремление Нестора тесно связать жизнеописание Феодосия с историей Печерского монастыря сказалось и на образе Феодосия. В сравнении с предшествующим повествованием образ его заметно «приземляется»: приобретает черты живого человека из плоти и крови, становится историчнее, ближе к действительности. Феодосия-подвижника, полностью погруженного в молитвенное созерцание, сменяет Феодосий — требовательный и неутомимый хозяин и начальник недавно основанного монастыря. Нестор обстоятельно рассказывает о его деятельности как игумена. Он ездит, когда надо, в Киев «орудия» ради всякого, поддерживает хорошие отношения с княжеской властью, навещает время от времени села, где пасется монастырский скот и где на поле работают монастырские «слуги». Он строго следит за выполнением устава: по ночам обходит кельи иноков, «хотя уведети кождо их житие», — заметив нарушение устава, на утро провинившегося обличает «притчами» и в случае надобности налагает взыскание; отбирает у монахов все, уставом не положенное, — «или брашно снадно или одежду», «или от имениа что». Всегда «собою образ всем даю», не чурается никакой работы, даже самой черной: колет дрова, носит воду из колодца; в пекарне, «веселяся духом», вместе с другими месит тесто и печет хлебы; принимает участие в сооружении новых келий. Много внимания и труда уделяя благоустройству монастыря, не забывает и о своих учительных обязанностях: поучает, обычно «стоя в дверех церковных», братию путям спасения, и Нестор не раз знакомит читателя с содержанием этих его наставлений. Заботится он не только о собственном «стаде»: невдалеке от монастыря для нищих, калек и больных строит особый «двор» и при нем церковь в честь св. Стефана; по субботам в темницы посылает щедрое подавание. Вмешивается в политическую борьбу своего времени: в дни «смятения» Ярославичей 1073 г. выступает в защиту изгнанного братьями князя Изяслава, своего давнего доброхота, пишет севшему на киевском столе князю Святославу грозные обличительные «епистолии» и даже решается на политическую демонстрацию — велит в монастыре за богослужением поминать только Изяслава, рискуя навлечь на себя гнев нового киевского князя и подвергнуться опале.

Именно в этой части Жития впервые начинают проступать у Нестора контуры и внешнего облика Феодосия: мы узнаем, что телом он был «крепок» и «силен», что одевался крайне скромно — носил «свиту власену остру», а поверх нее другую свиту — «вельми худу»; узнаем и некоторые мелкие подробности его личного обихода: был он очень нетребователен в пище — ел преимущественно «хлеб сух и зелие варено без масла», спал мало и обычно сидя. Видим здесь Феодосия даже в минуты досуга, свободные от игуменских забот и духовных подвигов: сидит он в келье один или

с кем-либо из братии, прядет «волну» (изготавливает нити для переплета книг) или творит «ино кое дело», про себя вполголоса напевая псалмы.

Характерное для Жития в этой его части «приземление» образа Феодосия в особенности ярко сказывается в эпизоде (он подробно изложен у Нестора), где Феодосий сам делает то, в чем обычно упрекает других. Как-то накануне праздника Успения богородицы «строитель церковный» обнаружил, что для лампад нет масла деревянного. Он решил взбить масло из льняных семян, о чем и сообщил Феодосию. Тот дал согласие. Когда же «строитель» приступил к заправке лампад, то заметил, что в сосуде поверх масла плавает дохлая мышь. Он поспешил рассказать об этом Феодосию: «со всяким утверждением» накрыл он сосуд и никак не может понять, «откуда влезе гад той и утопе». Феодосий усмотрел в этом наказание за свое «неверствие», осудил себя за то, что не понадеялся на помощь божью, а оскверненное масло повелел вылить на землю. Эпизод примечателен тем, что «святой», «блаженный», «богодуховенный» Феодосий здесь выступает как рядовой человек, во всем подобный «строителю церковному» — не святому.

Заслуживает внимания в этой же связи и тот факт, что Феодосий у Нестора почти не творит чудес. Те же чудеса, которые творит, носят всегда, как правило, чисто практический, хозяйственный характер и преследуют одну цель: материальное благосостояние монастыря. В одном монастырском селе он изгоняет бесов, которые поселились в хлеве и портили скот; монастырский пустой заком по молитве его наполняется мукой в таком изобилии, что она даже пересыпается через стену; пустая бочка по его слову наполняется медом.

Рассказ о смерти и погребении Феодосия частично возвращает Житие в старое агиографическое русло; он не выходит за рамки традиционной схемы: Феодосий предсказывает день и час своей смерти, прощается с братией, просит избрать ему преемника, молится. Несколько оживляет этот трафарет только одна подробность: когда Феодосий, предчувствуя смертный час, попросил оставить его одного в келье, некий брат, «иже всегда служаше ему», не смог сдержать любопытства — проделал небольшую «скважню» и стал подсматривать. Сквозь эту «скважню» Нестор и показывает то, что Феодосий пожелал скрыть от братии — последние минуты своей земной жизни, исход души.

Завершают Житие три небольших рассказа о посмертных чудесах Феодосия, некоторые сведения о дальнейшей истории Печерского монастыря и повторяющее тему вступления коротенькое заключение.

Повествовательный строй Жития в целом — еще одно свидетельство незаурядного мастера Нестора-рассказчика. Повествование носит характер ровного, неторопливого, истового сказа от первого лица — от автора. Только в одном случае Нестор, следуя примеру Кирилла Скифопольского, у которого аналогичные случаи нередки, передает слово другому рассказчику — иноку Иларionу: последний сообщает эпизод из своей жизни, и эпизод этот в изложении Иларionа, с сохранением диалога, которым он обменивается с Феодосием, входит в состав Жития как «рассказ в рассказе».

Сказовой характер повествования поддерживается у Нестора всеми особенностями этой формы речи: обращениями к читателю («братии»), размышлениями автора по поводу излагаемого, частыми оговорками — знаками авторского самоконтроля, если повествование по тем или иным причинам уклоняется в сторону («Но сиде на первое исповедание возвратимся», «Но се пакы лепо есть нам, братие, сие споведавше, и на прочее ... сказание пойти» и т. п.).

В центральной части Жития, как было указано, читаются многочисленные рассказы-эпизоды, каждый из которых образует более или менее самостоятельную единицу повествования. Перед Нестором стояла задача: так включить их в Житие, чтобы они не нарушали единства повествования и не производили впечатления механических вставок. С задачей этой Нестор справился успешно. Каждый рассказ он вводил формулами, которые сами по себе уже в какой-то мере мотивировали его включение в Житие, а повествованию в целом придавали сказовую непосредственность: «И в един день», «И се же паки», «Паки же некогда в един от дний», «Бе же ту един брат», «И се ми исповеда един от братия» и пр. Отдельные рассказы объединял по сходству содержания или по имени героя (сказания о боярине Клименте); нередко уже в предшествующем рассказе строил мостки для перехода к последующему: так, например, рассказ о неожиданном приезде в монастырь князя Изяслава в послеобеденный час предваряется сообщением о приказе Феодосия в час этот запираť монастырские ворота; рассказ о попытке разбойников ограбить монастырь — сообщением о строительстве нового «двора» и о том, что монастырь в это время не везде был защищен оградой.

Повествовательный стиль Нестора прост, почти лишен риторического словесного орнамента. Это не значит, однако, что Нестор совсем не ценил «высоких», книжных речений. Изредка, в особо патетические моменты повествования, они у него встречаются («о крылатев же умом», «разбогате в благодатию», «оградив ся верою»).

Одна «украшающая» изложение особенность повествовательного стиля Нестора, впрочем, должна быть отмечена; она не лишена своеобразной изысканности и может быть охарактеризована как реализация метафоры.

В изображении Нестора центральный герой Жития — Феодосий не раз выступает в окружении более или менее торжественно книжных эпитетов и иносказаний; не последнее место среди них занимает сравнение Феодосия со «свотильником» — он ярко светит во тьме, распространяя лучи и озаряя собою все окружающее. Метафора эта у Нестора подчас «овеществляется» — в разного рода видениях, свидетелями которых являются посторонние монастырю люди, обычно миряне. Темной ночью они видят над Печерским монастырем свет «пречюден»; источник света им не ясен, и это исполняет их «страхом» и «ужасом». Нестор, следуя монастырской легенде, подробно описывает такие видения. Одно из них (в рассказе «о богопоказаннем свете», как называется он в поздних списках Жития) в изображении Нестора по своей живописной технике напоминает фрески или миниатюры: на темном фоне сноп света — в свете том, «посреди монастыря пред церковью», во весь рост фигура молящегося Феодосия с воздетыми к небу руками.

Аналогичный случай — в рассказе о Варлааме, сыне боярина Иоанна. К пещере Антония с целью постричься в монахи он приходит «во славе велице» — в сопровождении многих слуг и коней в богатой «утвари», одетый в одежду «светлу». В контексте рассказа вся эта «слава велика» — развернутая метафора «мира сего» и его соблазнов. И она тоже наглядно «овеществляется», притом дважды: и здесь, когда Варлаам в знак отречения от мира сбрасывает с себя светлую одежду, расстается со слугами и конями, и несколько ниже — когда боярин Иоанн пытается насильно вернуть сына в мир и приказывает надеть на него светлую одежду, а Варлаам бросает ее в грязь и топчет ногами.

Написанное Нестором Житие Феодосия Печерского — наглядный показатель высокого уровня, какого художественная повествовательная проза древней Руси достигла уже во второй половине XI в. Не удивительно, что

Житие получило широкое распространение; популярность его еще более возросла, когда оно вошло в Печерский патерик, в составе которого и стало переписываться. В середине XIII в. Житие Феодосия послужило литературным образцом для инок Ефрема — автора Жития Авраамия Смоленского. Литературное воздействие Жития можно проследить и в более поздних памятниках житийной прозы.⁴

⁴ См.: С. А. Бугославский. Литературная традиция в северо-восточной русской агнографии — Статьи по славянской филологии и русской словесности. Сб. статей в честь акад. А. И. Соболевского. Изд. АН СССР, Л., 1928, стр. 332—336.